

2021 – 2022 учебный год

**Задания для второго этапа
всероссийской олимпиады по литературе
(муниципальный уровень)**

7-8 класс

ЗАДАНИЕ 1 (творческое)

1.1. Познакомьтесь с представленными фрагментами произведений литературы и фольклора, обратите внимание на их особенности, и вы поймёте, что они относятся к разным эпохам и культурам:

1.

«Я, худой, дедом своим Ярославом,
благословенным, славным,
нареченный в крещении Василием,
русским именем Владимир, отцом
возлюбленным и матерью своею из
рода Мономахов... и христианских
ради людей, ибо сколько их соблюл по
милости своей и по отцовской молитве
от всех бед! Сидя на саях, помыслил
я в душе своей и воздал хвалу Богу,
который меня до этих дней, грешного,
сохранил. Дети мои или иной кто,
слушая эту грамотку, не посмейтесь,
но кому из детей моих она будет любя,
пусть примет ее в сердце свое и не
станет лениться, а будет трудиться.
Прежде всего, Бога ради и души своей,

_____»

2.

«Дядюшка ворон, сидя на дереве,
Держал в своем клюве сыр.
Дядюшка лис, привлеченный запахом,
Повел с ним такую речь:
«Добрый день, благородный ворон!
Что за вид у вас! что за красота!
Право, если ваш голос
Так же ярок, как ваши перья, —
То вы — Феникс наших дубрав!»
Ворону этого показалось мало,
Захотел он блеснуть и голосом,

_____»

3.

По вечерам
Луна глядится в стекла рам.
По вечерам.

И спать ложатся чудаки,
Надев пенсне или очки,
Чтобы яснее видеть сны,
Слетающие к ним с луны.

По вечерам.

Причем одни привыкли брать
Карандаши с собой в кровать,
Чтоб всё во сне нарисовать,

Другие - свой магнитофон,

_____.

А этот пасмурный старик

_____.

Его задумчивые сны
Всегда дождливы и грустны,
Всегда, всегда, всегда.

А вот - лукавый бородач.

_____.

4.

Коляда-моляда
Прикатила молода!
Мы нашли коляду
Во Мироновом дворе.
Эй, дядька Мирон,
Выноси добро во двор.
Как на улице мороз
Подмораживает нос.
Не велит долго стоять,
Велит _____

_____!

ЗАДАНИЕ:

1. 2. Соотнесите представленные фрагменты и названия произведений:

А) Коляда (народная песня)

Б) Поучение (Владимир Мономах)

В) Ворон и Лис (Жан де Лафонтен)

Г) Сны (Генрих Сапгир)

1.3. Вы могли заметить, что эти тексты очень разные по жанру, содержанию, форме и принадлежат к разным эпохам и культурам. Присмотритесь к тому, какие речевые обороты и лексика используются в каждом тексте. Подумайте, каково было предназначение этих текстов? Если у них была вполне конкретная коммуникативная цель, то какая? Для чего они были написаны?

Допишите отсутствующие фрагменты текстов, используйте ваше читательское понимание того, какого ритма, стиля и содержания требует каждый текст. Конечно, стихотворные тексты писать трудно, поэтому внимательно вслушайтесь в их ритм, не пройдите мимо специфических повторов, которые характерны для некоторых из них, сохраняйте стилистическое единство предлагаемого вами продолжения с источниками. Объём и количество строк не регламентируется, вам в помощь – логика самого текста. Удачи!

ЗАДАНИЕ 2 (творческое)

В 2019 году вышла в свет книга британской писательницы и иллюстратора Дебби Танг «Быть книголюбом». Полистав книгу, вы убедитесь, что она выросла из иллюстраций с подписями – так возникали многие великие книги, например, роман «Посмертные записки Пиквикского клуба» Чарлза Диккенса.

Как следует из названия, автор раскрывает разные аспекты того, что значит любить книги, иметь чтение в качестве важной составляющей ежедневной жизни, дружить с людьми, которым тоже нравится читать книги. В книге Дебби Танг в качестве «особенностей» приводятся шуточные «признания книголюбца» и анализируются вполне серьёзные особенности, отличающие людей, для которых «мир книг» много значит. Там есть рубрики: «Страх и ужас книголюбца», «За что я люблю читать», «Что происходит со мной, когда я читаю», «Когда дочитал отличную книгу», «Как узнать настоящего

книголюбца», «Идеальная книга – это ...», «Почему книголюбцу грустно», «Книголюб в библиотеке», «Книголюб в книжном магазине», «Чтение и сон», «Чтение и еда», «Что важно в книге», «Типы читателей» и др. Познакомьтесь ниже с несколькими страницами из этого издания:

:

ЗАДАНИЕ:

Создайте пять-семь проектов страниц для книги с названием «Быть книголюбом»:

Оформите проект каждой страницы как последовательность высказываний (от 2 до 5), раскрывающих определённый аспект чтения. Вы можете следовать рубрикам, которые были названы выше, или придумать свои рубрики. Постарайтесь в выбранных ситуациях, связанных с чтением и книгами, отразить универсальный опыт читателя-«книголюб». Рисунки не будут оцениваться, они не обязательны (если это необходимо, вы можете описать словами, то, что на них предполагается изобразить), главное – придумать краткий и ёмкий текст, описывающий наиболее важные для вас аспекты чтения. Надеемся, примеры из книги Дебби Танг вас вдохновят!

2021 – 2022 учебный год

**Задания для второго этапа
всероссийской олимпиады по литературе
(муниципальный уровень)**

9 класс

Задание 1 (аналитическое).

Выполните целостный анализ одного из предложенных произведений (эпического или лирического). Вы можете опираться на данные к нему вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Вариант 1

Арсений Гончуков

20 граммов

Дорога убегала, извиваясь черной блестящей змеей, зазывая ехать дальше и дальше, в скучную бесконечность. Стоило ему посмотреть на Ксюшу, взгляд неизменно соскальзывал на ее голые коленки, чуть задрывшуюся зеленую юбку...

— Смотри на дорогу, Кир. Хватит пялиться! – сказала она, не отрываясь от планшета.

— А ты не сиди так! И вообще... расскажи что-нибудь, а то я засну. Ксюша медленно положила ногу на ногу.

Когда Ксюша чем-то увлечена — лучше не раздражать. Больше часа не отрываясь смотрела в глубину зависшего перед ней белого с легким розовым оттенком планшета из плотного светопластика, «материала без материала», как гласила реклама. Коснулась воздуха над экраном, перелистнула страницу. Вдруг подняла голову, вскинув очаровательный носик, невидяще уставилась на дорогу и начала читать — враскачку, как бы напевая:

— Оворобьею как-то я летаю, оголубею как-то я лечу... тропинку крестовидными следами... по снегу предпоследнему топчу...

Кир пристально посмотрел на свою девушку — что с ней?

— Не улетай, последняя синица... ещё немножко, милая, молю...

У Ксюши был красивый глубокий голос.

— Сиди на тонкой веточке столицы... и пой весну... на всю Москву... мою...^{*1}

Она замолчала, он посмотрел на нее.

— Так... И что это сейчас...

Ксюша резко повернулась:

— Ты понял хоть слово?

Прозвучало с вызовом.

— Нуууу... как тебе сказать... — капризно протянул Кирилл, — я понял слово «Москва», был такой город... лет восемьсот, кажется, назад... да? В двадцать первом вроде бы веке... А что? Что это было?

Ксюша смотрела на него большими карими и вдруг опустевшими глазами. Легонько стукнула кулаком по его худому бедру.

— Было... Что это было... Вот и я о том...

Он разглядывал ее зависший кулак с розовым маникюром и неожиданно облизнулся.

— На дорогу, Кир... — сказала задумчиво.

Скучные ярко-зеленые кусты и бурые деревья вдоль дороги сливались в смазанную грязную кашу. Расслабленная рука подрагивала на джойстике.

— Так что... что такое си... синица? — Кириллу хотелось поболтать. Ксюша с жаром заговорила:

— Ну вот слушай! Это безумно интересно! Вот там, в стишке, есть слова «оворобьело», «оголубело» и «синицы»... Это знаешь, что такое? Упоминания птиц! — Ксюша резко повернулась к нему, облокотившись спиной на дверь автомобиля. — Все это птицы!

— Птицы? Ну так я что-то про них читал... Но не про этих, видимо.

— А про каких? Оворобьело — это про воробьев... Оголубело про голубей... Синицы так и назывались, кажется...

— Ааа... — нахмурился Кирилл, — да, я что-то помню... Городские птицы? Жили в мегаполисах... Вместе с человеком как бы... В каком году их не стало?

— В смысле? Постепенно...

— Я про уход сверху... Дата завершения?

¹ *Стихотворение Андрея Чемоданова (прим. автора).

— Две тысячи... пятьсот пять... десят... — Ксюша прикусила розовый ноготок. — Не помню точно.

— Эх ты! Студентка! Будущий биоинженер! — засмеялся Кир.

— Ой, да иди ты! — ответила она резко и уставилась на дорогу.

Да что с ней сегодня? Снова сцепилась с Глазуновым на кафедре? Или Ирка эта её, чучело пластиковое, опять сломалась... Или...

— Не помню дату ухода, — пробурчала недовольно. — Зато знаю, что с момента закрытия Москвы, древней нашей, так сказать, столицы, прошло не восемьсот лет, а девятьсот... Ты ошибся на целый век. Историк! Мы как, близко уже? Ксюша прильнула к окну и посмотрела куда-то вверх. — Опять буря. Башка будет болеть вечером...

Кирилл уставился на однообразную ярко-зеленую обочину, от которой слипались глаза и клонило в сон. Может, действительно магнитная буря? В них он не очень-то верил. Во всяком случае здесь, на планете Земля, самой спокойной из всех обитаемых. — Синички, воробьи... Они весили всего двадцать граммов, прикинь? — вдруг воскликнула Ксюша. — Плюс, минус... Двадцать! Такие крошки, — она сделала ладошку ковшиком и поднесла ее к носу. — Вооот такуусие! — лицо ее просветлело. — Весом как, не знаю... Как столовая ложка воды! Вот как?!

Кирилл засмеялся.

На трассе начали попадаться дорожные знаки и редкая государственная реклама. Появились первые встречные машины. Одноглазые беспилотные автопоезда, горбоносые спальные микроавтобусы, гибридные легковушки... Кир глянул на часы — наступила первая декада дня.

— Подъезжаем. А ты про птиц-то к чему вообще? Вам задали?

— Да нет, просто... — Ксюша наклонилась и схватила губами прядь волос, привычка, из-за которой у ее правой щеки частенько висели влажные нити.

— Просто новый препод и спецкурс. Была лекция про экосистемы древних городов. И там было про крыс, тараканов... этих, ворон, воробьев, еще... голубей и... дебрисов... Знаешь, кто такие дебрисы?

— Не-а...

— Мусорные птицы. Раньше назывались, кажется, чай... да, чайки, а потом они мутировали в мусорных мегаполисах в отдельный вид. Изначально на водоемах жили, а потом... всё... Ты, кстати, знаешь, что мутации у птиц могут занимать какие-то

десятилетия? — Ксюша замолчала, взгляд ее стал равнодушным. — Короче, это было еще там, снаружи... Но даже дебрисов сейчас уже нет. Трасса выпрямилась, встречных машин стало заметно больше. То и дело кто-то сигналил сзади, один раз их нетерпеливо облетели сверху. В паре километров впереди показалась чёрная с красными огнями вышка терминала приема транспорта. Табло под рукой Кирилла замигало — службы терминала забирали управление на себя, переводя автомобиль в режим парковки. Кир бросил джойстик, убрал руки с приборной панели. Через минуту деревья и кусты отключили, на длинных экранах по обе стороны дороги побежали приветственные надписи.

— Что-то я сегодня оворобела... — сказала Ксюша.

— А я оголубел! — хмыкнул Кирилл.

— А, запомнил!

Ксюша порывисто обняла его. Дотронулась губами до его губ и Кирилл тотчас воспользовался моментом, поймал ее верхнюю губку, начал поцелуй... Их прервал голос подлетевшего дрон-администратора, нужно было оплатить трассу, сдать коды доступа, разрешить перезагрузку бортового компьютера и покинуть транспорт.

Черные двери зоны прибытия схлопнулись за ними с мягким гидравлическим вздохом, словно сожалея о расставании. Еще двести метров по зеленой аллее до пневмолифта, 117 этажей вглубь земли — и они дома, в своем уютном гнездышке.

— О чём думаешь? — спросила Ксюша.

— Не скажу, — усмехнулся Кир. — ты будешь злиться!

— Начинает гудеть башка.

— Ну вот...

Вошли в аллею, она была спроектирована в этом месте для психологической разгрузки; приезжая, выходя из тоннелей после многочасовой езды, пассажиры вдыхали чистый воздух, ступали на дорожку, покрытую мягкой свежей травой, вокруг росли нежно-розовые, желтые, синие цветы, а дальше пышные кустарники и деревья... Под куполом ярко-синего неба с широкими мазками перистых облаков. Они шли, держась за руки, но Ксюша как будто торопилась, казалось, настроение ее портится с каждым мгновением. Прошли аллею, вот уже ворота, гермокамера, за ней лифт. Вдруг Ксюша резко развернулась, Кир не успел затормозить и почувствовал плечом ее грудь. Ксюша осматривала аллею, как будто прощалась с ней, — дорожка, цветы, небо...

— А можешь отключить её? — вдруг спросила она.

— Что отключить? — он не понял.

— Ну аллею. На секунду.

Ксюша кивнула на блок управления у основания ближайшего дерева: датчики и кнопки, вызов полиции, пожарных, медиков, а под ними, за стёклышком, крошечный голубой с зелёной полоской рычажок.

— Ну... как тебе сказать... за это нас могут забрать в отделение, — ответил Кир.

— Ты что, боишься?

Он сел на корточки, постучал костяшкой указательного пальца по стеклу.

— Да нет, конечно... Тем более с тобой...

— Тем более мы ни разу не ночевали в кутузке! Ну ты что? Рисковый перец или дряхлый дед? — крикнула Ксюша весело.

— Перец? Я? Серьёзно? — засмеялся Кирилл. — Это в какой эпохе так говорили?

И тут он резко и неожиданно для себя стукнул кулаком по стёклышку, потянул рычажок вниз, после чего увидел, как белую ссадину на указательном пальце заполнила капля крови.

Кирилл встал, посмотрел на Ксюшу, замершую, как статуя, поднявшую лицо вверх, так что волосы полностью открыли его, бледное, обескровленное, с распахнутыми и оледеневшими глазами, в которых мелькало что-то знакомое, памятное по далекому детству...

Он взял её за локоть, аккуратно, чтобы не повредить жутковатую каменную статую, и вместе с тем настойчиво, чтобы убедиться, что изваяние живо, после чего медленно, нехотя, уже зная, что увидит, повернулся и посмотрел вверх... Вместо верхушек деревьев и чистого голубого неба он увидел то, что показывали ему давно и не раз, и чего он не хотел видеть... Как не хотело видеть большинство людей из семидесяти трех миллиардов, населяющих Землю. За прозрачным куполом, в плотном мельтешении сероватых хлопьев, мерцало далекое и размытое, будто растворенное в кислоте, мутное солнце. Снег метался и кружился, шел бесконечным потоком, отталкивался от земли и вновь уходил плотной бурей ввысь, растворяясь в нависших грязно-желтых тучах. Если прищуриться и постараться не замечать мелкого сверкающего стекла, чёрного пепла, ошмётков пластика и дерева, если не видеть разноцветной густой жижи летящих, кружащихся мусорных частиц, то можно попытаться представить, что за

«окном» обычная зима, метель, буря... И зиму сменяет лето, и ночь сменяет день... Все, как в старинных книгах.

Кирилл отвернулся. Лучше смотреть на Ксюшу. Его девушка живая и настоящая, её нельзя выключить и отменить. Она зрима, ощутима, вот она, дышит, источает тепло. Вдруг Кирилл заметил, что слишком сильно сжал пальцами локоть, и ей, наверное, больно. Она посмотрела на него. Он снова увидел вихри темных частиц, которые кружились, отражаясь в её глазах, но они были как будто больше, крупнее, чем несколько секунд назад. Кирилл бережно прикоснулся ладонями к ее лицу и тут же услышал, как нестерпимо орет сирена — сигнал серьёзного правонарушения, каковым в их стране считается отключение визуального периметра.

2021 г.

Опорные вопросы:

- Какое значение в произведении А. Гончукова имеют «природные» образы? Как они связаны с пространственно-временной организацией произведения?
- Присмотритесь не только к тому, **что** рассказывается в истории о влюблённых, но и к тому, **как** она рассказывается. Как вы думаете, зачем в начале приводится «стишок» о птицах? как переживания, которые в нём передаются, связаны с героями произведения А. Гончукова?
- Почему героиня описывается как «жутковатая каменная статуя» в финале произведения? Обратите внимание на интертекстуальные мифологические отсылки в тексте и постарайтесь объяснить, какова их художественная и смысловая функция;
- Какое значение имеет финальный взгляд героя в глаза героини?
- Почему произведение А. Гончукова так называется?

Вариант 2

Вы можете также по Вашему выбору выполнить целостный анализ стихотворения.

Евгений Евтушенко

Два велосипеда

Что сигналили вспышками
велосипедные спицы
всем далеким планетам
с тропы в изумлённом лесу?
Что подумали бабочки,
чуть не разбившись о лица?
Что с утра загадали педали,
с травы собирая росу?
Что летящие по ветру девичьи волосы пели
под шипение шин по тропе,
и под пение птах?
Что там делают два заплутавшие велосипеда,
на боку отдыхая
в подглядывающих цветах?

и молочные сестры-берёзыньки
шепчутся простоволосо,
и, как будто бы сдвоенная душа,
двух нежнейше обнявшихся велосипедов колёса
продолжают вращаться,
о воздух смущенный шурша.
И уходит на цыпочках в чашу
медведь косилапый,
увидав, что за игры сейчас
эти двое в траве завели,
и в звонок на руле
забираются самой тишайшею сапой
муравьи,
словно рыжие крошечные звонари.

Это ты,
это я,
только под именами другими
ненасытно прижались к земле
и — щекою к щеке,
будто мы от планеты себе островок отрубили
и упали друг в друга
на этом ромашковом острове.
И когда нас не будет —
любовь нам придумает
каждому новое имя,
и мы въедем на велосипедах не в смерть,
а в иное совсем бытиё,
снова ты,
снова я,
только под именами другими,
и прижмемся к земле,
и земля не отпустит с неё.

Обратите внимание на следующие особенности содержания и формы (поэтики) стихотворения Е. Евтушенко: изображение субъекта лирического высказывания и его переживание мира в стихотворении; роль «природных» образов в организации пространства и времени; средства звуковой изобразительности и их функции; интертекстуальные отсылки и их назначение в тексте, строфика и рифмика. Как вы думаете, какова функция необычной лексики? Почему во II строфе появляется мотив «нового имени»? Какие ещё мотивы значимы для стихотворения Е. Евтушенко?

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание 2 (творческое)

Как известно, в процессе развития культуры и литературы тексты разных эпох могут вступать в своеобразный «диалог»: часто текст, появляясь в новом контексте, актуализируется или переосмысливается. Бывает, что текст, проникая в новый контекст, меняет его, по-новому организует порядок элементов в нём. А иногда «старые» художественные приёмы из хорошо узнаваемого текста пародируются в «новом», и это помогает обновлению художественного языка «новой» эпохи. Так появляются разные

формы межтекстового диалога: «цитата», «пародия», «ремэйк»², «вариация»³, «подражание», «стилизация». Некоторые из этих форм диалога больше ориентированы на «сюжет» и его аспекты, а другие – на «стиль».

Познакомьтесь с предложенными текстами, обратите внимание на то, что они принадлежат разным эпохам и культурам:

Жан де Лафонтен

Ворон и Лис (пер. И. Крылова)

Дядюшка ворон, сидя на дереве,
Держал в своем клюве сыр.
Дядюшка лис, привлеченный запахом,
Повел с ним такую речь:
«Добрый день, благородный ворон!
Что за вид у вас! что за красота!
Право, если ваш голос
Так же ярок, как ваши перья, —
То вы — Феникс наших дубрав!»
Ворону этого показалось мало,
Захотел он блеснуть и голосом,
Разинул клюв — и выронил сыр.
Подхватил его лис и молвил:
«Сударь, Запомните: всякий лстец
Кормится от тех, кто его слушает, —
Вот урок вам, а урок стоит сыра».
И поклялся смущенный ворон (но
поздно!),
Что другого ему урока не понадобится.

1668 г

И. Крылов

Ворона и лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все
не впрок,
И в сердце лстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да призадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках
подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!

² «Ремэйк» или «Римейк» - (от англ *remake* — «переделка») — выпуск новых версий уже существующих произведений искусства с видоизменением или добавлением в них собственных характеристик. Ремейк не цитирует и не пародирует источник, а наполняет его новым и актуальным содержанием, однако «с оглядкой» на образец. Может повторять сюжетные ходы оригинала, типы характеров, но при этом изображать их в новых исторических, социально-политических условиях. Таким образом, «переработка» / «переложение» использует уже существующий текст и/или сюжет и оставляет его легко узнаваемым.

³ видоизмененное воспроизведение тематического или сюжетного элемента текста; структуры чужого текста, стилистики.

Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен
голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели,
сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,-
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньяина с похвал вскружилась
голова,
От радости в зобу дыханье сперло,-
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка
такова.

1808 г.

Э. Успенский

А может быть...

Мне помнится, вороне,
А может, не вороне,
А может быть, корове
Ужасно повезло:
Послал ей кто-то сыра
Грамм, думается, двести,
А может быть, и триста,
А может, полкило.

На ель она взлетела,
А может, не взлетела,
А может быть, на пальму
Ворона взобралась.
И там она позавтракать,
А может, пообедать,
А может, и поужинать
Спокойно собралась.

Но тут лиса бежала,
А может, не бежала,
А может, это страус злой,
А может, и не злой.
А может, это дворник был...
Он шел по сельской местности
К ближайшему орешнику
За новою метлой.

— Послушайте, ворона,
А может быть, собака,
А может быть, корова,
Ну как вы хороша!
У вас такие перья,
У вас глаза такие!
Копыта очень стройные
И нежная душа.

А если вы залаете,
А может, и завоюете,
А может, замычите —
Коровы ведь мычат, —
То вам седло большое,
Ковер и телевизор
В подарок сразу вручат,
А может быть, вручат.

И глупая ворона,
А может быть, корова
А может быть, собака
Как громко запоеет.
И от такого пения,
А может, и не пения
Упал, конечно, в обморок
От смеха весь народ.

А сыр у той вороны,
А может быть, собаки,

А может, и коровы
Немедленно упал.
И прямо на лисицу,
А может быть, на страуса,
А может быть, на дворника
Немедленно попал.

Поймет не только взрослый,
Но даже карапуз:
Не стойте и не прыгайте,
Не пойте, не пляшите
Там, где идет строительство
Или подвешен груз.

Идею этой сказки,
А может, и не сказки

1981 г.

Д. Хармс

Четвероногая ворона

Жила-была четвероногая ворона. Собственно говоря, у нее было пять ног, но об этом говорить не стоит. Вот однажды купила себе четвероногая ворона кофе и думает: «Ну вот, купила я себе кофе, а что с ним делать?» А тут, как на беду, пробежала мимо лиса. Увидала она ворону и кричит ей: «Эй, — кричит, — ты, ворона!» А ворона лисе кричит: «Сама ты ворона!» А лиса вороне кричит: «А ты, ворона, свинья!»

Тут ворона от обиды рассыпала кофе. А лиса прочь побежала. А ворона слезла на землю и пошла на своих четырех, или точнее, пяти ногах в свой паршивый дом.

1938 г.

ЗАДАНИЕ:

Определите тип межтекстовых отношений в этих произведениях. Напишите небольшое сообщение (не менее 70 слов) для блога о литературе с характеристикой этих типов межтекстовых отношений. Постарайтесь объяснить, как эти произведения взаимодействуют друг с другом. Как вы поняли, что происходит перенос элементов одного текста в другой? Что меняется при переносе словесных образов «ворона / вороны» и «лиса/лисицы» от текста к тексту? Однородны ли представленные тексты стилистически? Сохраняется ли жанровое единство всех текстов или происходит полная трансформация жанровых элементов?

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

2020 – 2021 учебный год

**Задания для второго этапа
всероссийской олимпиады по литературе
(муниципальный уровень)**

10 класс

Задание 1 (Аналитическое)

Выполните целостный анализ одного из предложенных произведений (эпического или лирического). Вы можете опираться на данные к нему вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Вариант 1

Зинаида Гippiус

Дверь

Тишин, студент третьего курса, маленький, сухонький, с приятным и серьезным лицом, считался умницей. Он и в самом деле был умен, даровит и настойчив, любил науку без педантизма, с нежностью, с верой. Уже теперь задумывал написать книгу по философии истории. «Но чтобы живая была, вот что главное! Широко взять, не так, как эти сухари кабинетские пишут, сами себя своими же книгами забивают, а чтобы живая была, и разумная, строгая — и трепетная. Понимаешь?» — твердил он своему лучшему другу и однокурснику Мошину.

Мошин говорил на это «гм» и крутил носом, да и в самом деле возможно, что это были одни мечты. Но Тишин так горячо и серьезно работал, с такой искренностью любил, что возможно, что это были и не одни мечты.

Те, кто его мечтами не интересовались и никогда ни о чем с ним не разговаривали, — знали Тишина с другой стороны и уважали его, как прекрасного товарища с «честными» и «крайними» убеждениями. Чуть начиналось что-нибудь в университете — два друга, Тишин, худенький и сухонький, и Мошин, высокий чернобровый детина (тоже очень дельный и серьезно занимающийся), — были тут как тут, всегда стояли за самые энергичные, крайние решения, орали на столах до хрипоты, до самозабвения, и Тишин однажды за это поплатился, чуть не потерял год. Многое важнее сходило с рук, а из-за какой-то глупости поплатился. Впрочем, ему, когда он попадал на столы и начинал кричать, важное и неважное казалось совершенно одинаковым.

Тишин вошел в длинный, гулкий университетский коридор. Всю дорогу до самого университета он был так занят одной новой, внезапно пришедшей ему в голову идеей, относительно французской революции, что не видел набегающих на него конок и проваливался в оттепельные лужи. Ему казалось, что новая мысль его и важна, и проста, и такая она ясная и жизненная, что может хоть сейчас стать нужной и властно перевернуть если не все, то многое. Что же перевертывает, разрушает, созидает, как не мысль? Тишин, однако, был скромн и несамоуверен, понимая, что, может быть, ошибается, и мысль его — наивность, что, во всяком случае, нужно ее долго разрабатывать и мучиться над нею. Сейчас ему только хотелось сообщить ее Мошину.

«Все-таки она нечто, — думалось ему. — Ну второстепенное, частичное — допустим! Но все же это должно иметь некоторую ценность. Или уж я так наивен. Научной грубой ошибки тут нет, — факт».

В коридоре, где еще не зажигали огня, было сумрачно от желтого мокрого дня, который глядел в большие окна. По коридору, в этом сумраке, бежали студенты, гул переливающихся восклицаний висел под потолком, и Тишин тотчас же понял, что что-то случилось, что-то совершается. В груди у него знакомо и приятно сжалось, всего его точно легко подняло и взмыло, и он сначала быстро пошел туда, куда шли другие, а потом, не замечая сам, побежал.

Издали он увидел, что толпа стягивается в одно место, к полустеклянной двери аудитории. Тишин даже не мог вспомнить, какая это аудитория, — так все мысли у него вдруг с легкостью улетели.

Толпа стягивалась и нарастала, темнела, густела, горячала, плотнела.

Тишин приник к ней, влился в нее, внутрь, в середину, так что уже не только перед ним, но и за ним затеснились люди, дышащие и кричащие ему в затылок.

— Да что? Да что? — вопил, ни к кому не обращаясь, Тишин, в это же время ловя отдельные вскрики в волнах гула.

— ...Да что?..

— ...За что?..

— ...Заперто...

— ...Заперли...

— ...Господа, господа, слышите?

— ...Заперли...

— ...Это черт знает что такое!

— ...Кого заперли?

— ...Когда заперли? Давно?

— ...Да за что их заперли?
— ...Да кого? Много?
— ...Кого бы то ни было! Факт!..
— ...Господа! Товарищи!
— ...Заперто...
— ...Заперли...
— ...Отворить...
— ...Кого, это все равно! Безобразие! Господа! Товарищи!..

Тишин видел в трех шагах от себя потный, красный затылок Мошина. Мошин тоже что-то кричал, напирал на передних, которые напирали на громадную дверь. Из дальних рядов, из вновь приливающей толпы слышались еще голоса: что? за что? кого? Но ближние уже все кричали: заперто! заперли! безобразие! — и ломились вперед. Тишин тоже кричал; огненная, смутная, веселая и сильная волна залила его всего, он тела своего на себе точно не чувствовал, — маленького, тяжелого, а было оно у него громадное, легкое, сильное, почти крылатое. Не думающее, не судящее, не видящее — только сильное.

Слышал ли он, да и кричали ли, что надо вышибать дверь, он не знал; он почувствовал, что так решилось им и всеми, и вот — уже делалось. Гул криков вдруг покрылся песнями, может быть, со словами, может быть, без слов. Тишин тоже пел и только изо всех сил продирался к самой двери, видел, как Мошин продирается, работая руками, напирая и выкрикивая басом: о-а! о-а!

Дверь задрожала, скрючилась, подалась; стекло, тонко взвизгнув, вылетело и рассыпалось.

С обеих сторон бежали «суб'ы»⁴, у одного рінс-pez⁵ болталось на шнурке и прыгало от бега.

— Господа, господа! Это недоразумение, это случайность! Аудиторию сейчас отворят... Господа...

Но тонкие голоса утонули в яркой, сильной и молодой волне песен — может быть, со словами, может быть, без слов...

Два друга шли из университета по набережной; уже стемнело, зеленовато-желтые огни зажигали лужи.

⁴ Здесь: инспекторы.

⁵ Здесь: пенсне.

— Что же это? — говорил Тишин каким-то расслабленным голосом. — На кой черт мы эту дверь высадили? Ну, здраво рассуждая, какого черта ее было высаживать?

Мошин, сдвинув фуражку на затылок, старался не так широко шагать для приятеля.

— Гм... Да. Здраво рассуждая, — конечно. Вовсе не было нужды. А только, друг, когда дело делаешь, так именно не рассуждаешь. Оттого оно и делается. Чего тебе? И высадили, беды нет. И еще высадим.

— Так и будем все двери высаживать? Нет, Мошин, ты мне вот что скажи. Вот, например, мы с тобой вдвоем рассуждаем сейчас, — ведь мы же понимаем, что делать, почему делать и как. Или когда я один... Ведь вот сегодня я шел, у меня одна мысль была, и вовсе не отвлеченная какая-нибудь, а жизненная, действенная, я хотел тебе ее сказать, вместе обдумали бы... А тут эта дверь, попал я — и все забыл. И теперь едва помню, точно отшибло. Очухаться надо. Попадешь — ей-Богу, точно перерождаешься.

Мошин помолчал. Потом вдруг широко улыбнулся.

— А знаешь что? Ты только не обижайся. Я и про себя это же скажу. Мы, друг, оба — стадные человеки. Ей-ей! Пока одни — сами по себе — живем и мыслим за себя, а попали в толпу, — мы уж она; что она — то и мы. Нераздельное, единое получается. И не козлы мы с тобой, поводыри, а самые что ни на есть овцы. Да я не в том смысле, ты не думай; потому что мы-то есть сила. Козел один ничего не может, а стадо, коли ринется, все растопчет. Ты говоришь, дверь — бессмыслица. Да разве мы виноваты? Поводыри виноваты. Где они? Чего молчат? Скажи, укажи настоящую дверь — сломаем. Да и не то еще: скажи, что строить, зажги нас только — выстроим, возведем, сделаем, ибо мы сила. Я не знаю там, какая у тебя идея, про которую ты говоришь — может, она и хороша, и верна, — да только если она у поводыря настоящего; а ты с ней ничто, ты дверь лезешь ломать! Много еще мы этих дверей повысадим, пока они, поводыри, молчать будут. Нас, силу то, в кучу сбили, кругом все двери позаперли, тьма, удушье, молчанье, — а тут мы же должны себя винить, что не туда сунулись? Учителя виноваты, а не мы. Живую силу лелеять надо! Заботиться о ней! Пока мы в слепоте и молчании — все стадо! Все! И уж на себя пеняйте, коли кому не нравится!

Мошин даже снял фуражку от волнения. Приятель молчал, ускоряя шаги.

— И ты не обижайся, что ты стадный, — продолжал Мошин. — Я ничего не знаю, может, и ты когда-нибудь поводырем станешь, только теперь-то у нас мысли наши и дела — врозь. Это, друг, ничего! Это пусть пока! Мы, говорю, в этом не виноваты. Не мы виноваты! А что стадность, огонь людской есть в нас — великолепно! Это сила, уж поверь!

Тишин открыто взглянул на товарища.

— Да, — сказал он. — Мне кажется, ты прав. Ну что ж? Будем думать, как умеем, будем делать, что можем... пока они молчат!

1912 г.

Опорные вопросы:

- Обратите внимание на особенности организации времени и пространства в произведении З. Гиппиус и постарайтесь объяснить их художественный смысл.

- Почему на столе лежат крошки, и эта деталь попадает неоднократно в кадр зрения повествующего субъекта?

- Присмотритесь не только к тому, **что** рассказывается в данном произведении, но и к тому, **как** рассказывается. Какие речевые особенности характерны для повествующего субъекта? Чью точку зрения на происходящие события он передаёт? Какое восприятие событий персонажами передаётся благодаря их речевым особенностям?

Вариант 2

Вы можете также по Вашему выбору выполнить целостный анализ стихотворения.

Валерий Брюсов

В неконченном здании

Мы бродим в неконченном здании
По шатким, дрожащим лесам,
В каком-то тупом ожидании,
Не веря вечерним часам.

Бессвязные, странные лопасти
Нам путь отрезают... мы ждём.
Мы видим бездонные пропасти
За нашим неверным путём.

Оконные встретив пробоины,
Мы робко в пространства глядим:
Над крышами крыши надстроены,
Безмолвие, холод и дым.

Нам страшны размеры громадные
Безвестной растущей тюрьмы.

Над безднами, жалкие, жадные,
Стоим, зачарованы, мы.

Но первые плотные лестницы,
Ведущие к балкам, во мрак,
Встают как безмолвные вестницы,
Встают как таинственный знак!

Здесь будут проходы и комнаты!
Здесь стены задвинутся сплошь!
О думы упорные, вспомните!
Вы только забыли чертёж!

Свершится, что вами замыслено.
Громада до неба взойдёт
И в глуби, разумно расчисленной.
Замкнет человеческий род.

И вот почему — в ожидании
Не верим мы тёмным часам:
Мы бродим в неконченном здании,
Мы бродим по шатким лесам!

1900 г.

Опорные вопросы:

Обратите внимание на следующие особенности содержания и формы (поэтики) стихотворения: как изображен субъект лирического высказывания и объект его переживания в стихотворении? Какие пространственные образы формируют лирическое переживание героя? какие необычные сближения слов и образов здесь наблюдаются, какой смысл они воплощают? какие средства звуковой изобразительности нужны автору для передачи картины мира и переживания? Какие интертекстуальные отсылки вы наблюдаете и каково их назначение в тексте? Как рифмика и строфика участвуют в оформлении смысла стихотворения?

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание 2 (творческое)

Во время одного из обсуждений в «Мастерской Поэзии» возник спор о рифме. Спор касался, во-первых, того, обедняет ли привычная, «избитая» рифма восприятие произведения читателем / слушателем поэтического текста; а во-вторых, того, что представляет собой рифма: чисто звуковое явление, призванное усилить благозвучие стихотворения или она имеет отношение к установлению смысловых взаимосвязей между словесными образами стихотворения. В качестве материала для обсуждения ведущий «Мастерской Поэзии» представил тексты Пушкинской эпохи, содержащие размышления поэтов и образцы стихотворных текстов. Среди них были тексты П.А. Вяземского и А.С. Пушкина. Участники «Мастерской» заинтересовались тем, что тексты двух поэтов можно воспринимать как высказывания на общую тему: рифма в русской поэзии начала 19 в.

Как известно, Пётр Андреевич Вяземский (1792-1878) был другом А.С. Пушкина, что, конечно, предполагало близкое знакомство Пушкина с поэзией Вяземского и, особенно, с его стихотворными «посланиями» (действительно, Пушкин неоднократно цитировал и использовал произведения Вяземского в качестве эпиграфов к своим произведениям). В ходе беседы участники пришли к мнению, что Пушкин, несомненно, знал мнение Вяземского о специфических рифмах русской поэзии начала 19 века, таких, как *розы – морозы*. Участников «Мастерской» больше всего заинтересовало то, почему Пушкин был привержен использованию этих рифм. Приобрели ли эти рифмы в его поэзии характер «мотива» или их художественная функция в разных произведениях 20-х-30-х гг. другая?

Познакомьтесь с предложенными текстами:

1.

Как с рифмой совладеть, подай ты мне совет <...>

Ещё когда бы мог я, глядя на других,

Впопад и невпопад, сажать слова в мой стих;

Довольный счётом стоп и рифмою богатой <...>

Умел бы, как другой, паря на небеса,

Я в пляску здесь пустить и горы и леса

И, в самый летний зной в лугах срывая розы,

Насильственно пригнать с Уральских гор морозы.

При помощи таких союзников, как встарь,

Из од своих бы мог составить рифм словарь...

// П. Вяземский «К В. А. Жуковскому», 1819 г.

2.

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы *розы*;
На, вот возьми ее скорей!)

// «Евгений Онегин», IV глава, 1826 г.

3.

Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет, румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киферу и Пафос⁶
Мертвит дыхание мороза —
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза...

1827 г.

4.

Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

// «Зима. Что делать нам в деревне?», 1829 г.

5.

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз.

// «Медный всадник», 1833 г.

ЗАДАНИЕ:

⁶ *Кифера* – греческий остров в Эгейском море у берегов Пелопоннеса, где находится культовое святилище богини Афродиты; *Пафос* – город на острове Кипр, считается местом рождения богини Афродиты.

Представьте, что вы – начинающий поэт или человек, интересующийся поэзией, участник «Мастерской Поэзии». Напишите связный текст (объемом не менее 60 слов), в котором дайте свои аргументированные ответы в споре участников «Мастерской Поэзии» о рифме: «обедняет» ли привычная, многократно встречавшаяся рифма восприятие произведения читателем / слушателем поэтического текста; что представляет собой рифма: чисто звуковое явление, призванное усилить благозвучие стихотворения или она имеет отношение к установлению смысловых взаимосвязей между словесными образами стихотворения? Приобрела ли рифма *розы – морозы* в поэзии А.С. Пушкина характер «мотива» или её художественная функция в поэтических произведениях Пушкина 20-х-30-х гг. другая? Выдвиньте предположение, какая?

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

2020 – 2021 учебный год

**Задания для второго этапа
всероссийской олимпиады по литературе
(муниципальный уровень)**

11 класс

Задание 1 (аналитическое)

Выполните целостный анализ одного из предложенных произведений (эпического или лирического). Вы можете опираться на данные к нему вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Вариант 1

Зинаида Гиппиус

В четверг

...говорю вам: если не будете есть
плоти Сына Человеческого и пить
крови Его, то не будете иметь в себе
и жизни.
Иоанн. VI, 53.

I

На обеденном столе — крошки, корки; несвежая скатерть кое-где скомкана; перед Андреем Ивановичем — тарелочка с недоеденным пирожком из кондитерской, сухим, желто-коричневым. Как ни светел был апрельский вечер, — над столом уже горела висячая жаркая лампа под плоским зонтообразным абажуром. Окна столовой выходили на двор, откуда ползли сумерки, а не свет. Только наверху где-то зеленела узкая полоска неба с уже неумирающей зарей.

Андрей Иванович Молостов, человек лет тридцати восьми, с лицом ужасно обыкновенным, скорее приятным, обрамленным рыжеватой бородкой, — читал, по привычке, какие-то рукописи; рядом лежал новый том Спенсера по-английски. Рукописи вовсе не было нужды читать; они явно — Андрей Иванович видел по первым строкам — к печати не годились; но надо же что-нибудь делать? С понедельника Страстной

Молостов чувствовал себя выбитым из колеи: в редакции затишье. Секретарь отправился в отпуск, благо вышла последняя книжка. Сотрудников не видать. Даже сторож Сергей словно занят чем-то другим, более важным. Молостов, не официальный, но фактический редактор — любит свой журнал, свое детище, и ему это обидно. Ему всегда, издавна, кажется мучительным предпраздничное и праздничное время, когда все отходят от дела, как будто для какого-то другого, важнейшего, — а в сущности для чего?

Бледная, худенькая Анна Львовна, жена Молостова, не читает, но ей тоже скучно; и она привыкла работать; помогает мужу; кроме того, у нее небольшая школа, которой она очень занята; но теперь и школа распущена на две недели.

Анна Львовна сидит за необустроенным столом, опершись головой на руку. Молостов несколько раз взглянул на нее через очки; ее бледное, тоскливое и покорное лицо ему неприятно.

Андрей Иванович знает и любит это лицо пятнадцать лет. Жена — его верный друг и помощник; вместе они перенесли и нужду, и другие, более серьезные, невзгоды, вместе выбились, не изменив своим убеждениям; теперь у них общий, честный и плодотворный труд. Жизнь полупрожита — но прожита хорошо, никто не может упрекнуть Молостовых, ни они сами себя. Эта тоска весенняя, каждый год повторяющаяся, — это от перерыва в работе, от вынужденной праздности.

«Ну, чего она? — подумал Молостов. — О чем она думает? Пройдут когда-нибудь эти дни...»

Он хотел спросить, о чем она думает, но не спросил и перевернул страницу рукописи. Часы с гирями аккуратно выщелкивали время. В соседнюю комнату была отворена дверь, оттуда раздавались голоса, детский и старческий.

— Нянечка, — говорил ребенок, — а твоё сегодня рождение?

— Какое рождение, батюшка?

— Да твоё! Вон тебя поздравляли. И платье на тебе лиловенькое. Рожденье?

Андрей Иванович нетерпеливо кашлянул и взглянул на дверь. Анна Львовна встрепенулась.

— Тебе мешают? Закрыть дверь?

— Нет, оставь, сделай милость.

У Молостовых не было детей. Шестилетнего Волю они взяли к себе, когда ему едва исполнился год, и усыновили. Он приходился племянником Андрею Ивановичу и был сирота.

Разговор за дверью продолжался.

— Значит, не рожденье? А как же поздравляли?

— А поздравляли с принятием Святых Тайн. Приобщалась я нынче за ранней, деточка.

— Приобщалась? Это в церкви? Это как рождение? Это что, Тайны, нянюрочка?

— Охо-хо! Дожил дитя, уж на другой год на исповедь идти, Святых Тайн не приобщавшись! — Нянька вздохнула и, помолчав, продолжала:

— Разве не помнишь? Летом в церкви были. Там деток приобщали. Выйдет священник из Царских врат, чашу вынесет золотую, поют это, ну и приобщит.

— Да... Ну что ж... — задумчиво произнес Воля. — Какие же они, Тайны, няня?

— Плоть и кровь Христовы. Творите, сказано, в Мое воспоминание. Кто творит, тому и радость. Без этого нельзя. «Христос бо веселие вечное».

— И чтобы все — «творить»?

— Все, батюшка, все. Как же не все?

Детский голос умолк, точно ребенок что-то соображал. Нянька вздохнула.

— Няня, и папочка с мамочкой, и я буду, да?

— Что будешь?

— Да вот... Тайны творить. И веселенький буду, хорошо?

— Будешь, голубчик, будешь.

— Вон какое у тебя сегодня платье лиловенькое. А у мамочки голубое есть. А она не надевает. Мамочке скучно. Отчего ей скучно? Что папочка сердитый, оттого?

Анна Львовна в столовой подняла голову и крикнула:

— Няня, ты не обедала? Пойди в кухню.

Ответил Воля, не входя в комнату:

— Мамочка, она сегодня, говорит, не буду обедать. Говорит, ко всенощной пойду.

Нянька завозилась.

— И то пойду, небось уж пора. Нынче Евангелия. Со свечами будут стоять. Тебе, Воленька, святого огоньку принесу.

— Няня, я сам хочу! Я с тобой пойду! Мамочка пустит. Я святого огонька хочу. Хорошо? Нянечка?

— Ой, что ты! Устанешь. Служба долгая. Двенадцать Евангелий будут читать.

— Двенадцать? Вон сколько их! Ни за что не устану. А Тайны когда?

— За обедней Тайны пречистые. Нонче четверг. Нонче хорошо приобщаться. Христос нонче на вечере с учениками возлежал, и хлеб преломил, и чашу подал. А на завтра страсти начинаются.

— Страсти? Ох, нянечка! Возьми ты меня, пожалуйста! Не устану!

Глухо, сквозь стекла, донесся дальний звон, тонкий, но настойчивый.

В столовую, где сидели Молостовы, вошла няня, держа Волю за руку. Старушка была маленькая, худенькая, а мальчик большой, и они казались почти одного роста. У Воли были светлые-светлые волосы; у няньки из-под чепчика виднелись пряди совсем белые. И цвет глаз, водянисто-голубой, у них был почти один.

— Старый да малый в церкву собрались, — добродушно сказала старуха, — просится Воленька.

— Устанешь, — проговорила Анна Львовна, но как-то слабо, не то недовольно, не то нерешительно. — И зачем?

Андрей Иванович крикнул с неожиданным раздражением:

— Пускай идут! Устанет — нянька его назад приведет.

Мальчик робко поцеловал «папочку» и вышел с няней.

Та стала его одевать, он опять ее что-то спрашивал, болтал, пока они не ушли.

Лампа, ширя свой зонт, надутая и лоснящаяся от керосина, так же жарко горела. Ни крошек со стола, ни скатерти никто не убирал. В запертой комнате стоял, не двигаясь, запах масляного мяса, не до конца съеденного.

Андрей Иванович встал и подошел к голубевшемуся окну.

— Душно здесь, Аня.

— Не открыть ли форточку?

— Я пойду пройдуся. Голова болит.

Анна Львовна взглянула на него с покорной тревогой.

— Что с тобою?

— Ах, да ничего! А с тобой что?

— Со мною? — она растерянно улыбнулась. — Вот уж ничего-то! Всегда это время... такое скучное. Весна, праздники не у дел как-то...

Она сказала именно то, что он сам думал словами о своей тоске, а между тем раздражение и тоска безмерно усилились; он взглянул на своего верного друга, честного спутника честной жизни с отчуждающей ненавистью. Не то, не то! Но если б он и знал слова для «того» — он ей не сказал бы их, — как и она бы, вероятно, не сказала. От стыда? Или от чего? Просто от чуждости. Все, чем они были связаны, что было у них общим, — убеждения, мысли о благе человечества, совместная работа на пользу ближнего, даже его любовь к ней, как к «удивительной личности» — все это показалось ему таким не связующим; просто внешними, перетлевающими нитками связаны, и полжизни прошло, а вот — она отдельно, и он отдельно. Пока в суматохе, в работе, пока громкие слова звенят

не замечаешь; а вот тишина, и странная полуфизическая тоска поднимается со дна сердца, — и тотчас каждый отдельно. Чем душнее и необъяснимее тоска — тем отдельнее.

— Ты всегда весной, в последние годы, какой-то... — тихо сказала Анна Львовна и прибавила, — устали мы с тобой, что ли...

Он ничего не ответил. Может быть, и она чувствовала ту же «отдельность». Но говорить о ней было нельзя.

Андрей Иванович оторвался от окна, молча миновал комнату, надел шапку, пальто и вышел из дому.

II

Тучки набежали, закрыли зеленую твердь неровными пятнами, пролился, шумя, полутеплый дождь и затих. Молостов шел по блестящему тротуару, поминутно наталкиваясь на озабоченных прохожих, хотя улица была не очень бойкая. Рядом, по грязи и лужам шлепали мерно копыта извозчичьих лошадей.

Тоска, и своя «отдельность», и при этом ощущение бессмысленности всего, что в себе казалось дорогим, — не улеглись на улице.

«Любовь к страждущему брату! — усмехаясь подумал Молостов. — Кой черт вот хотя бы этому в моей любви. А мне его не нужна. Мерзость, кривлянье или наивность, удаль молокососная! Может быть, если б я сейчас упал в судорогах, этот студент поднял бы меня, повез, помог, — а вот теперь он и не знает, как мне душно и тяжело, и не узнает, и не поймет, и не поможет, потому что нет ровно ничего между людьми, что бы их души связывало. Оттого и любви никакой нет, и быть не может. Слова, привычка, кривлянье!»

Он со злобой шлепал по лужам. Зажгли фонари. Огоньки отразились в воде и в очках Молостова. Он с той же злобой продолжал думать о любви.

«Любите друг друга! — и вдруг прибавил слова, вынырнувшие откуда-то из далекой памяти: — Заповедь новую даю вам...»

«Новую! Старая заповедь. Кто дал ее — Того забыли, а заповедь твердят бессмысленно...»

Он остановился. А если потому и не «вышла» заповедь, что забыли Того, Кто ее дал?

Молостов стоял у начала площади, где весь светился притихший собор. У паперти волновались темные, безмолвные пятна народа. Весенний вечер, теплый и свежий, спускался с яснеющих небес.

«А там, верно, жарко в этот вечер было, — подумал Молостов. — Горница убранная... Преломил, благодарил... Вино, хлеб, рыба... Все это, в сущности, забыли...»

«Да нет, не жарко... В горнице жарко, а ночи холодные. Потом ведь Петр у костра грелся...»

«Пейте от нее все...»

И в ушах Молостова прозвучал голос Воли:

— Это всем надо? Все «творят»?

Евангелие кончилось. Зазвенели колокола сверху, и еще где-то, и еще, издали, чуть слышно, то густо, гулко, то очень тонко.

Молостов, решительно шагая, миновал площадь и вошел в собор.

Опять читали. Народу было столько, что дальше сеней невозможным казалось пробраться. Никакого чтения не было слышно. От сквозняка пламя свечей синело и, уменьшаясь в точку, быстро-быстро трепетало.

«Няня и Воля здесь же, только впереди где-нибудь, — подумал Молостов. — Как бы не задавили «старого да малого».

Он усмехнулся, но ему было неприятно, и холодно, и тесно стоять, и тоска не уменьшалась. Никаких слов никому не было слышно. Рядом с ним стояла целая кучка солдат. Они вздыхали и переминались, но хорошие были лица. Молостов засмотрелся на одного: подстриженный белый затылок слабо золотился от низких огней, юное, туповатое лицо было серьезно. Он ничего не думал и ничего не слышал, но он был в церкви, и это для него уже важно. И хорошо.

Что-то знакомое Молостову промелькнуло в его голубых глазах. На чьи они похожи? На Волины... да и на нянины немножко...

«Тоже „малый“, — подумал Молостов. — Ему и надо здесь. Ему хорошо. Старому да малому есть куда пойти, а мне? А нам?»

Андрей Иванович не торопясь вышел из собора и остановился у решетки. Идти некуда. Надо было вспомнить о забытом, Андрей Иванович понимал теперь, что это одно только и надо было, — а там, где о Нем читали — читали не для таких, как Молостов, а для «старых и малых». У них нет его тоски и жажды, за ними нет годов той честной, безбожной, бесплодной жизни, которую ему нужно искупить.

Замелькали светлые точки на паперти, служба кончалась. Старые и малые понесли домой «святой огонек». Принесет его и Волина нянька, умиленная, с утра праздничная и веселая, как именинница, потому что исполнила, как было сказано. Сказано — «творите в воспоминание», если хотите быть живы, она и «творит», и вспоминает, как ей нужно, — и жива.

Молостов отошел от решетки, тяжело и медленно переступая ногами по грязи. И ему нужно «воспоминание», чтобы быть живу, но где же оно? И где люди, которым нужна та

же пища и питье? Мало няниного: «золотая чаша», «поют», «выйдет и приобщит», — нет, ему надо, чтобы вспомнились и слова Его вечерние, и Он сам, Человек и Бог, связавший Собою отделенных людей. «Горница усталая...» «Будьте едино, как Я и Отец...» «Очень желал Я есть с вами сию пасху...» И «новая заповедь» — доселе новая, нетронутая...

Опять брызнул дождик. Андрей Иванович стоял посередине грязной площади и утирал платком мокрое лицо. Ему вспомнились покорные и тоскующие глаза жены, и он пожалел ее так же, как себя в эту минуту. Оба несчастны, — и оба бессильны.

Господи! Господи!

И опять откуда-то из самой дали детских воспоминаний, но как внешний грозный отклик, услышал Андрей Иванович ответ:

«Что Вы зовете Меня Господи! Господи! и не делаете того, что я говорю?»

А капли усилившегося дождя, падая в лужи, лепетали старчески и неотразимо, как Волина нянька: «Всем сказано, для всех говорено... все, все...»

Мокрый, жалкий, грязный стоял Андрей Иванович посередине темной площади один — и плакал.

Колокола заливались, трезвоня. Старые и малые несли домой святые огоньки, которые трепетали, живые. Великое повечерие отошло.

1906 г.

Опорные вопросы:

- Обратите внимание на особенности организации времени и пространства в произведении З. Гиппиус и постарайтесь объяснить их художественный смысл.
- Почему в кадр зрения повествующего субъекта попадает неоднократно такая деталь, как крошки, лежащие на столе?
- Присмотритесь не только к тому, **что** рассказывается в данном произведении, но и к тому, **как** рассказывается. Какие речевые особенности характерны для повествующего субъекта? Чью точку зрения на происходящие события он передаёт? Какое восприятие событий персонажами передаётся благодаря их речевым особенностям?
- Почему произведение З. Гиппиус так называется?

Вариант 2

Вы можете также по Вашему выбору выполнить целостный анализ стихотворения.

В. Брюсов

Терцины к спискам книг

И вас я помню, перечни и списки,
Вас вижу пред собой за ликом лик.
Вы мне, в степи безлюдной, снова близки.
Я ваши таинства давно постиг!
При лампе, наклонясь над каталогом,
Вникать в названия неизвестных книг;
Следить за именами; слог за слогом
Впивать слова чужого языка;
Угадывать великое в немногом;
Воссоздавать поэтов и века
По кратким, повторительным пометам:
«Без титула», «в сафьяне» и «редка».
И ныне вы предстали мне скелетом
Всего, что было жизнью сто веков,
Кивает он с насмешливым приветом,
Мне говорит: «Я не совсем готов,
Еще мне нужны кости и суставы,
Я жажду книг, чтоб сделать груду слов.
Мечтайте, думайте, ищите славы!
Мне все равно, безумец иль пророк,
Созданье для ума и для забавы.
Я всем даю определенный срок.
Твори и ты, а из твоих мечтаний
Я сохраню навек семь-восемь строк.
Всесильнее моих упоминаний
Нет ничего. Бессмертие во мне.
Венчаю я – мир творчества и знаний».

Так остов говорит мне в тишине,
И я, с покорностью целую землю,
При быстро умирающей луне,

Исчезновение! Твой зов приемлю.

1901 г.

Опорные вопросы:

Обратите внимание на следующие особенности содержания и формы (поэтики) стихотворения В. Брюсова: изображение субъекта лирического высказывания и объекта его переживания в стихотворении; поэтика названия стихотворения В. Брюсова; что связывает «неизвестные книги» и «чуждый язык»? Как изображается в стихотворении человек? Какие интертекстуальные отсылки присутствуют в тексте и каково их назначение в тексте? Какие смысловые и формальные функции выполняют строфика и рифмика? Для какого жанра характерно лирическое переживание, изображённое в этом стихотворении? Почему стихотворение В. Брюсова так называется?

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

ЗАДАНИЕ 2 (*творческое*)

Познакомьтесь с предложенными текстами:

«Рим золотой, обитель богов, меж градами первый.»

(Авсоний, пер. В. Брюсова)

«Словно ущелья гор обрывистых в молодости был я.»

(Архилох, пер. В. Вересаева)

«Покойся, милый прах, до радостного утра.»

(Н. Карамзин)

«Большая честь родиться бедняком»

(Д. Бурлюк)

«И вновь я не замечен с Мавзолея!»

(В. Вишневский)

«О, скольких мне уже не полюбить!..»

(В. Вишневский)

«Мы не востребованы. Но и непродажны!»

(О. Арефьева)

«Я вру. Но это тоже способ правды.»

(О. Арефьева)

«Величие заметно после смерти...»

(О. Арефьева)

«И я, как все, противник конформизма!»

(Н. Резник)

Во время обсуждения в «Мастерской Поэзии» возник спор: эти тексты, опубликованные в поэтической антологии, это стихотворения или нет? Все спорили о том, законченные это произведения или нет? Участники «Мастерской» попробовали прочесть их вслух, соблюдая ритмико-интонационный рисунок. В ходе обсуждения возникли вопросы: как влияет количество строчек на восприятие рифмы и ритма, стихотворного размера? Если выделение одной строки - это художественный прием, то как он работает? Есть ли основание для подобной «изолированности» одной стихотворной строки? Некоторые участники «Мастерской» решили, что такие стихотворные строки обладают законченной смысловой, синтаксической и метрической структурой. Но другие возразили, что стихотворные ритм и метр нуждаются в повторении, и, соответственно, стихотворное произведение нуждается в некотором количестве строк, минимально бинарном.

ЗАДАНИЕ:

Представьте, что вы – начинающий поэт или человек, интересующийся поэзией, участник «Мастерской Поэзии». Напишите связный текст (объемом не менее 70 слов), в котором дайте свои аргументированные ответы на вопросы участников «Мастерской Поэзии»: это стихотворение или нет? законченное это произведение или незавершённое, эскиз будущего текста? как влияет количество строчек на восприятие рифмы и ритма, стихотворного размера? Если выделение одной строки - это художественный прием, то как он работает? Есть ли основание для подобной «изолированности» одной стихотворной строки? Однородны ли представленные образцы по ритмико-метрическим характеристикам? Как вы думаете, свойственны ли им названия, объясните почему. Можно ли соотнести представленные образцы с известными вам стихотворными жанрами? Если это законченное произведение, то какое название может носить такая разновидность стихотворения из одной строки?

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.